

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина : диалектика рационального и метафизического / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 273—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289.

Potashova, K. A. (2025). Image of Sun in Works of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin: Dialectics of Rational and Metaphysical. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 273-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина: диалектика рационального и метафизического

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы kseniaslovo@
yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 23-78-01016

Image of Sun in Works of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin: Dialectics of Rational and Metaphysical

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01016

© Поташова К. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена поэтической космологии М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина. Космологическая поэзия Ломоносова и Державина рассмотрена в аспекте визуализации словесного художественного образа. В статье прослежена эволюция принципов создания космического пространства в философской поэзии второй половины XVIII века. Посредством соотнесения эмпирической и научной картины мира с основами христианского мировоззрения доказано, что при общем для поэтов понимании Вселенной как божественного творения, богопостижения как интеллектуального обращения к каждому элементу галактики поэтическая космология Ломоносова и Державина неодинакова. Утверждается, что «Утренние размышления о Божием величестве» Ломоносова явились безусловным образцом синтеза научного и эмпирического знания, его опытные наблюдения за движением небесных тел стали импульсом, наметившим взаимопроникновение символического и рационального взгляда на пространство Вселенной. Анализ произведения Державина «Утро» показал, что он, развивая астрономическую тему в русской поэзии, идет по пути эстетизации космоса, привнося в космогонию яркие цветосветовые детали. Выявлено новаторство художественной космологии Державина по отношению к физико-теологической поэзии Ломоносова, связанное с расширением изображения космического пространства за счет внимания к деталям описания земного бытия и его прославления.

Ключевые слова:

художественный образ; образ солнца; поэтическая космология; космос в поэзии; М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the poetic cosmology of M. V. Lomonosov and G. R. Derzhavin, focusing on the visualization of verbal artistic imagery within their cosmological poetry. The evolution of principles governing the creation of cosmic space in the philosophical poetry of the late 18th century is traced. By correlating empirical and scientific worldviews with the foundations of Christian belief, it is demonstrated that while both poets share a common understanding of the universe as a divine creation, their approaches to divine contemplation as an intellectual engagement with each element of the galaxy reveal distinct differences in their poetic cosmology. It is asserted that Lomonosov's "Morning Reflections on the Majesty of God" stands as an exemplary synthesis of scientific and empirical knowledge, where his observational experiences regarding celestial movements provide an impetus for a nuanced interplay between symbolic and rational perspectives on the universe's space. An analysis of Derzhavin's poem "Morning" illustrates how he advances the astronomical theme in Russian poetry by aestheticizing the cosmos, introducing vivid color and light details into his cosmogony. The innovative character of Derzhavin's artistic cosmology, in contrast to Lomonosov's physico-theological poetry, is identified as a result of expanding the depiction of cosmic space through a focus on the intricacies of earthly existence and its glorification.

Key words:

artistic imagery; image of the sun; poetic cosmology; cosmos in poetry; M.V. Lomonosov; G.R. Derzhavin.

УДК 821.161.1Ломоносов.07+821.161.1Державин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-273-289

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ солнца в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина: диалектика рационального и метафизического

© Поташова К. А., 2025

1. Введение = Introduction

Вторая половина XVIII века явилась значимым периодом в развитии естественных и технических наук, временем появления большого количества оптических приборов, раздвинувших мыслимые границы вселенной и открывших человеческому глазу многообразие пространства галактики. Устремленность человека в космос определила сосуществование двух мировоззренческих моделей в оценке этого пространства: научное мировоззрение, связанное с пониманием пространства вселенной как объективного и реального, а также эмпирическое, в рамках которого постижение мира сопрягалось с «метафизической потребностью» [Левицкий, 2003, с. 27] человека в поиске смысла бытия. Отсутствие в XVIII веке четких границ между философией и естественными науками обусловило появление «физико-теологических произведений» [Левитт, 2006, с. 59], основывающихся на синтезе античной философии и святоотеческой литературы с научными наблюдениями, а также выдвигающих тезис, что, «хотя Бог непостижим, его можно постигать через чувственный мир» [Левитт, 2006, с. 59]. Ярким примером такого синтеза явилась поэзия М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, задававшихся вопросом об устройении галактики. Научная новизна настоящей статьи определяется выявлением онтологии и эстетики образа солнца в поэзии Ломоносова и Державина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — проследить эволюцию принципов создания космического пространства в философской поэзии второй половины XVIII века. В соответствии с поставленной целью в статье решается ряд задач, направленных на реконструкцию модели познания Вселенной и ее поэтического выражения в русской словесности XVIII века: выявить особенности поэтической космологии Ломоносова и Державина в аспекте визуализации

словесного художественного образа; рассмотреть поэтику, эстетику и онтологию образа солнца как важного элемента художественной образности философской поэзии XVIII века; выявить особенности отражения символического и рационального взгляда на небесные светила в поэтической космологии Ломоносова и Державина. Решение поставленных задач направлено на выработку эффективной методологии анализа образов небесных светил, основанной на микроанализе художественного текста.

Поэзия XVIII века, связанная с осмыслением устройства мироздания, привлекает внимание синтезом естественно-научного знания и философских основ, таковыми стали размышления о небесных светилах в творчестве Ломоносова и Державина, открывшие дальнейший путь развития поэтической космологии Жуковского, Лермонтова, Тютчева. Материалом для исследования выступили «Утренние размышления о Божием величестве» (1743) Ломоносова, открывшие для русской поэзии процесс созерцания космического пространства, его «Письмо о пользе стекла», приложение к трактату «Явление Венеры на Солнце», отражающее философские взгляды поэта на вопросы познания, рассмотренные в сопоставлении со стихотворениями «Утро» и «Фонарь» Державина. К исследованию привлекается и так называемая физико-теологическая словесность — публицистика из журнала «Размышления о делах Божиих в Царстве природы и Провидения на каждый день года» (1787—1788), открывшая многообразие астрономической образности.

Исследователи не раз обращались к выявлению специфики космической образности в творчестве Ломоносова и Державина. Отмечались жанровые особенности физико-теологической поэзии Ломоносова [Левитт, 2006], характерные для нее «черты церковной гимнографии» [Елепова, 2012, URL], смещение акцента с научной проблематики в сторону создания яркого «художественного образа» [Лебедев, 1990, с. 180], рассматривалась визуальная природа размышлений, основывающихся на перечислении «картин-доказательств, связавших зрительные образы и лирические раздумья в единый комплекс» [Павляк, 2011, с. 22]. Ученые обращали внимание и на значимое для художественного мира Ломоносова тождество познания и зрения, что обнаруживается, например, в работах М. Левитта, подчеркивающего разницу «между внутренним и внешним зрением, слабость чувственного зрения по сравнению с недостигаемым божественным прозрением» [Левитт, 2006, с. 68], и В. Л. Коровина, указавшего, что зрение выступает у поэта метафорой «приблизительного и точного (полученного в откровении) знания» [Коровин, 2017, с. 56]. Рассматривая космическую образность Державина в аксиологическом аспекте, ученые сходились во мнении, что поэт в своих стихотворениях говорит о «призвании человека стремиться к небесному отечеству» [Коровин, 2024, с. 37], космос в его

творчестве понимается как стремление «к активному слиянию с богопорядком в природе, к сотворчеству с Богом» [Крон, 1995, с. 270], в центре поэтической космологии Державина лежит освобожденное от классицистических канонов понимание о том, что «благая тварная вселенная» имеет «свой бытийный центр в Боге» [Казин, 2019, с. 225]. Однако, несмотря на довольно большое количество исследований, посвященных астрономическим картинам в творчестве обоих поэтов, динамика космической образности, оформившейся под влиянием характерных для XVIII века «различных культурных токов» [Есаулов, 2019, с. 30], и более частный вопрос о значении оптической механики для создания эмоционально насыщенного образа небесного тела не получили целостного научного освещения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Солнце как зримая метафора Божьего величия в творчестве Ломоносова и Державина

В центре поэтической космологии классицизма лежит зримая метафора солнца как образного воплощения самого Божьего величества, именно взгляд на солнце позволяет представить, «каков Зиждитель сам» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 117]. Такое понимание солнца положено в основу «Утренних размышлений о Божием величестве» (1743) Ломоносова и «Гимна солнцу» (1802) Державина. Трактовка образа солнца как «ключевого символа божественного величества» [Левицкий, 2012, с. 56] в одическом творчестве Державина не ставилась под сомнение. У Державина солнце представляется центром мироздания. Воспевая солнце, поэт прославляет самого Господа, восклицая: «О солнце! о душа вселенной! // о точный облик божества!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 413]. Отождествляя Бога со светом, Державин рисует грандиозные космические картины, связанные с устройством мироздания, существующего благодаря тому, что Бог источает свет: «Пускай тотъ управляетъ нами, // Кто движеть солнцами, звѣздами; // Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!» [Там же, с. 470]. Святой Григорий Богослов писал: «То, что для плотского человека солнце, то для духовных — Бог» [Григорий Богослов, 2000, т. 1, с. 390]. Так и у Державина, к солнцу сводится все живое, это «небесное лицо», которое «глядить // На всѣхъ веселое, веселое, младое» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 15], оно воплощает саму жизнь, существующую буквально до последнего солнечного луча («Какъ солнцѣ тускло ниспускаетъ // Послѣдніе свои лучи» [Там же, с. 413]). В этой связи солнце включено и в этические координаты человеческой жизни — это «небесь всевидящее око» [Там же, с. 413], символ миропорядка, оно ассоциируется с христианской добродетелью («безсмертной правды солнца лучъ» [Там же, с. 590]). Державин, наблюдая за игрой солнечного луча, говорит

о «законе естества», связанном с отражением света от него другими небесными светилами («Сообщать ли солнцу блескъ звѣздамъ» [Там же, с. 219]), на этом физическом явлении поэт утверждает метафизику солнечного свечения («Богъ свѣта, преклонись на лиру, // И озари твоимъ лучемъ» [Там же, с. 413]), уподобляя его теплоте и свечению, идущему от Бога.

В поэзии Ломоносова однозначного объяснения образ солнца как христианский символ не получил. Если обратиться к тексту «Утренних размышлений...», несомненным представляется то, что поэт, испытывая безусловную радость приятия мира как Божественного творения, мыслит утро христианским чудом освобождения глаз «от мрачной ночи» и временем открытия многообразия мира («Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земли, // И Божия дела открыло» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 117]). При этом одной только констатации восхитительности солнца, заданной в открывающем стихотворение пейзажном экфрасисе утра, Ломоносову как ученому-астроному недостаточно. В связи с этим слишком поверхностным представляется сделанное А. В. Западовым заключение о мировоззренческих координатах поэта: «Христианские догмы были совсем чужды Ломоносову, не религиозные цели преследовал Ломоносов, занимаясь переложением псалмов» [Западов, 1961, с. 161].

Поэтическое размышление Ломоносова об утре наметило, по точному указанию В. В. Зеньковского, «первые проявления свободной религиозно-философской мысли», и это новаторство выразилось именно во взгляде на солнце, в порожденных им ассоциативных образах. При том, что солнце мыслится поэтом как Божественное творение («О коль пресветлая лампада, // Тобою, Боже, возжжена» [Там же, с. 118]), он ставит в один ряд с метафизическим рациональное обращение к солнцу. О совмещении эмпирики и научного знания Ломоносов в эмоциональной форме рассуждает в содержательных «Прибавлениях» к «Явлению Венеры на Солнце», отражающих философские взгляды поэта на вопросы познания. В то время, когда в астрономии стали активно появляться космогонические гипотезы о физических свойствах Вселенной, часто идущие вразрез с традиционной христианской картиной мира, Ломоносов формулирует основное назначение деятельности астронома в религиозной парадигме: «Воображаем себе тем явственнее Создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых открытий, тем громче Его прославляем» [Там же, т. 2, с. 372]. В сопряжении с христианским знанием такие представления поэта об астрономии, о предназначении астронома, заключающемся в прославлении «Божиего величества», и должны пониматься как магистральный вектор трактовки его «Утренних размышлений...», да и вообще развития астрономического знания в его трудах.

В своих «Утренних размышлениях...» Ломоносов задается и сугубо научным вопросом о «светиле дневном»: что же есть солнце как физический объект галактики, какими природными свойствами оно обладает? Эти возможные свойства облакаются им в центральной, «астрономической» строфе стихотворения в светоносные и огненные метафоры, порожденные пониманием великости космического тела. Все вызванные светилем ассоциации такие же грандиозные, как и само солнце: «горящий вечно океан», «сия ужасная громада» [Там же, т. 8, с. 118]. Если Державин ограничивается поэтизацией теплоты солнечных лучей («лиющее златые реки», «но лишь солнце появилось // и затеплились кресты»), то Ломоносов стремится через воссоздание процесса умозрительного постижения космического объекта ответить на вопрос, что же там, на солнце. Взгляд на солнце порождает череду предположений: «там огненные валы стремятся», «там вихри пламенные крутятся», «там камни, как вода, кипят» [Там же, с. 118]. В представлении Ломоносова солнце есть первооснова утреннего пейзажа, в обращении к нему как к космическому телу намечается оппозиция: «прекрасное светило» и «сия ужасная громада», однако антиномичными снабжающие солнце определения «прекрасная» и «ужасная» выступают только на первый взгляд. Стремясь постигнуть солнце, Ломоносов пытается дать ему измерение, именно широтой пространственных координат характеризуются космогонические картины «Утреннего размышления...»: солнце направляет свои лучи «по земли», или, более конкретно, на «поля, бугры, моря и лес», то есть на всю Землю. Аналогично и у Державина, передающего пространственную всеохватность в одном лишь пространственном местоимении «вся»: «Смотри и солнце золотое // Днесь лучезарнѣ горить;; <...> // На всѣхъ веселое, младое; // И будто вся играет тварь!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 15].

Называние солнца «громадой» также вызвано этим стремлением охватить взором то, что не поддается конкретизации размера. В продолжение этого поэт перечисляет далее физические качества солнца, и каждая ассоциация вновь и вновь подчеркивает ограниченность научного познания, солнце оказывается неподвластным для установления его точной величины — это и «океан», и «валы», и «вихри». Невозможность измерить небесные светила Ломоносов подчеркивает и в созвучной астрономической картине в «Выбранной оде из Иова» (1751): «Бесчисленны тьмы новых звезд», «в обширности безмерных мест», «от солнца воссияли // Повсюду новые лучи» [Ломоносов, 1950—1983, т. 8, с. 338]. Здесь космическая картина такая же безмерная, эмпирическая. Державин, не подвергая сомнению грандиозность солнца («О благодетель вещества!»), делает его более «домашним», жизнь простого человека связывается с возможностью видеть солнечный луч, подобно народной традиции солнце ассоциируется с добротой и теплом: «...

солнце красно // обратилось къ веснѣ» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 4]; «Солнце блещетъ, какъ женихъ» [Державин, 1864—1883, т. 1, с. 276].

При описании физических качеств солнца примечательна у Ломоносова и череда действий, на нем происходящих: все действия стихийны, неподвластны человеку. Можно говорить и о том, что они вторят ранним добиблейским мифопоэтическим представлениям о мировом океане как воплощении хаоса, из которого в дальнейшем происходит вся Вселенная, и собственно Библейским картинам о сотворении мира, в особенности из Второго послания апостола Петра, где эсхатологической картине мироздания сопутствуют вода и огонь, к образам которых и обращается Ломоносов в своих размышлениях: «Вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человек» [Библия, 2014, с. 1217].

Обобщающими наблюдения Ломоносова и Державина над солнцем становятся категории прекрасного и ужасного, понимаемые им как близкие эстетические категории. Введенные в условный «портрет» грандиозные его свойства создают образ солнца как «необычного и нетипичного» [Поташова, 2024, с. 179], доселе неизведанного, тем самым намечая в стихотворении проблему поиска сути познания небесного светила, которая развивается и в «Утренних размышлениях...», и в «Вечерних размышлениях о Божием величестве при случае великого северного сияния», и в «Письме о пользе стекла» Ломоносова, и в поэтической гимнаграфии Державина, задающего вопросом о том, можно ли вообще познать Вселенную.

3.2. Физико-теологические размышления Ломоносова о феномене солнца

В обращении к солнцу Ломоносов использует два разнонаправленных взгляда. Объемным картинам в начале стихотворения, подразумевающим утверждение Божьего присутствия на земле и на небе, соответствует движение взора сверху вниз («Но взор Твой в бездну проникает // Не зная никаких предел» [Ломоносов, т. 8, с. 119]), это собственно Божье покровительство, зримо переданное в метафорическом образе солнца, испускающего на землю свои лучи («От светлости Твоих очей // Лиется радость твари всей» [Там же, с. 119]). В центральной части поэтических размышлений вектор взгляда меняется на познавательный — от низа вверх, к солнцу. Обязательным условием, которое задает Ломоносов для постижения качеств солнца как небесного светила, является расширение физических границ человеческого зрения: «Когда бы смертным толь высоко // Возможно было возлететь, // Чтоб к солнцу бренно наше око // Могло, приблизившись, воззреть» [Там же, с. 117].

Взгляд поэта переходит к стремлению приоткрыть неизведанную природу солнца, создавая при этом образ необычного глаза, в возможности которого входит «находить предметы, рассчитывать расстояния, фиксировать расположение вещей и их связи» [Богатырева, 2012, с. 238], то есть создается своего рода телескоп. Два ментальных процесса — видеть и знать — для Ломоносова оказываются взаимосвязанными, невозможно познать астрономическое явление без его приближенного разглядывания, без него человек обладает только предварительным знанием, что подчеркивается в первой же конструкции стихотворения со словом «уже», структурирующим ситуацию привычности для глаза («Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земли» [Ломоносов, т. 8, с. 117]). Стоит отметить и то, что для Ломоносова подобные конструкции характерны и в поэтических контекстах указывают на ранее свершенное обладание научным знанием (как, например, в «Письме о пользе стекла»: «Уже в стекле нам барометры // Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры» [Там же, с. 519]). В трактате «Явление Венеры на Солнце» Ломоносов также отождествляет процесс научного познания галактики со зрительным восприятием, что проявилось не только на лексическом уровне (наиболее частотными в трактате являются глаголы *видеть*, *зреть*, *наблюдать* и их производные), но и в выдвинутой им идее «обсерваторова глаза» [Там же, т. 2, с. 368], основывающейся на понимании глаза как своего рода оптического механизма, приближающего человеческий разум к постижению Вселенной.

Физико-теологическим размышлениям Ломоносова оказывается созвучной теория «воспринимающего глаза» Леонардо да Винчи, заложившая основу «синтеза оптических, кинетических и анатомических опытов» [Лиманская, 2021, с. 180]. В работе «О глазе» да Винчи выводит ряд суждений онтологического толка о зрении как чуде, давшем возможность «вместить в себе образы всей Вселенной», о его Богом заданном предназначении направлять «человеческое размышление к созерцанию божественного» [да Винчи, 1935, т. 1, с. 211]. Эти суждения находят свое непосредственное развитие у Ломоносова, да и вообще оказываются созвучными астрономическим изысканиям XVIII века. У Ломоносова эта идея концентрируется в патетическом заключении из «Утренних размышлений...»: «И, на Твою взирая тварь, // Хвалить Тебя, безсмертный Царь» [Ломоносов, т. 8, с. 119]. Однако, хотя человечество обладает возможностью использования оптических приспособлений для астрономических наблюдений, поэт все же приходит к выводу о неосуществимости познания устройства галактики в абсолютной полноте. Ломоносов приравнивает обращение к сфере космоса к процессу богопостижения, что следует и из риторического воз-

звания в заключительной строфе «Утренних размышлений...» («Творец! покрытому мне тмою // Простри премудрости лучи» [Там же]) и еще более явно прослеживается в «Вечерних размышлениях...». Если в основу первых автор кладет форму монолога-самопознания, то вторые построены на ситуации диалога — обращения к «премудрым» ученым-астрономам, претендующим на полноту научного знания о Вселенной, с вопросами, хотя и касающимися небесных тел, но связанными с пониманием величия Творца: «Скажите ж, коль пространен свет? // И что малейших дале звезд? // Несведом тварей вам конец?» [Там же, с. 123]. И в этом воображаемом споре Ломоносов еще раз убеждается в невозможности познания Вселенной и в том, что человеку доступно лишь к ней прикоснуться.

«Утренние размышления...» Ломоносова — это размышления прежде всего поэта, а не ученого. Картины наблюдения за солнцем строятся им в предположительной форме: он рассуждает о том, что могло бы быть, если бы «бренно око» [Там же, с. 117] могло посмотреть на солнце. Само его описание строится на основе образов. Ломоносов привносит в поэзию особый тип созерцания астрономической Вселенной, которое, согласно учению Плотина, предполагает наличие «мыслящей потенции»: в данном случае это стремление постигнуть физические особенности солнца и зрительно-мыслительный акт, прозревающий форму объекта.

Идея о том, что главное назначение глаза в «познании чудес Творца» [Поташова, 2021, с. 135], развивается в публицистике протоиерея Покровского собора Иоанна (Харламова), а именно в статьях, размещенных в издававшемся им в 1780-х годах с целью популяризации научного знания журнале «Размышления о делах Божиих в Царстве природы и Провидения на каждый день года». Журнал включает в себя статьи о различных астрономических и природных явлениях попеременно с заметками о наблюдениях над устройством органов чувств, которые объявлены необходимыми человеку для «показания величества Божеской премудрости, силы и благости» [Размышления ..., 1787, с. 127]. Так, в статье «Удивительное в зрении», вписывающейся в традицию физико-геологической словесности второй половины XVIII века, отец Иоанн создает гимн Творцу и прославляет человека как высшую ступень Божественного создания, именно «Божьей благостью» и чудом называет он возможность видеть. Вместе с тем автора интересует и сам механизм зрения, который, по его мнению, выходит за границы физиологической оптики. Конечной точкой световых лучей оказывается не только «жила зрительная» (чувства) и «производимые впечатления, какие внешние предметы делают в мозгу» (разум), но и «душа» [Там же, с. 124]. Поэтизируемая отцом Иоанном концепция перцептивного познания мира, центром которой является зрение, проецируется им и на

наблюдения за солнцем как «прекраснейшим из творений». Наблюдение за солнцем в размышлениях автора состоит из двух этапов: собственно созерцание, открывающее цветное и световое многообразие небесного тела (наблюдение над «золотой ясностью», «блистательным жемчугом лучей» [Там же, с. 121], в цветowych эпитетах им выражается процесс воздействия на чувства), и восхищение солнцем как «совершенным» творением, что «человеческий глаз в полной мере понести не может», и это уже воздействие на душу человека. И здесь обнаруживаются созвучия с ломоносовской концепцией познания Вселенной из «Утренних размышлений...», за исключением того, что протоиерей Иоанн не стремится измерить то или иное астрономическое тело, но восхищается его красотой.

3.3. Созерцание красоты солнца как диалог с Богом в стихотворении «Утро» Державина

Концепцию апологии зрения развивает и Державин в стихотворении «Утро», в центре которого так же, как и у Ломоносова, оказывается астрономическая картина пробуждающегося солнца, вызывающая размышления автора о мироздании. Как и Ломоносов, Державин стремится охватить зрением все пространство Вселенной: «Какое зрѣлице! какой прекрасный пирь // Открылся всей ему природы!» [Державин, 1864—1883, т. 2, с. 317]. Стихотворение основано на ситуации созерцания: старец-мудрец смотрит на пробуждающуюся природу, улавливая мельчайшие световые рефлексы солнца («Онъ зрѣль: какъ свѣта Богъ съ морями лишь сравняся, // То алыи лучъ по нихъ восколебался; // Посыпались со скаль // Рубины, яхонты, кристалль» [Там же, с. 318]), все цветное многообразие от воздействия его лучей («Багряны тѣни, бирюзовы // Слилися съ златомъ въ облакахъ, — // И все — сіяніе покрыло!» [Там же, с. 318]). Зрительная природа познания акцентируется на протяжении всего стихотворения: это и рефреном звучащие зрительные формулы («Онъ зрель», «Онъ видѣль», «Какое зрѣлице! какой прекрасный пирь» [Там же, с. 317]), и само построение изложения, описывающего поступательное наблюдение за небесным телом и изменениями, происходящими в пространстве в связи с его пробуждением. Однако зрение в этом стихотворении иной природы, нежели у Ломоносова. Хотя Державиным и выбран тот же вектор взгляда от низа кверху («Возсѣль на мшистый пенъ подь дубомъ многолѣтнымъ // И внизъ изъ-подь вѣтвей пустиль свой взоръ» [Там же, с. 317]) и возможности этого взгляда во много раз преувеличены, благодаря чему доступны пространственно широкие картины, которые не увидит человек в повседневности, но в этом взгляде отсутствует научный рационализм, это взгляд высшего порядка, духовное зрение. Державинское «Утро» в большей степени отвечает личностным переживаниям, понимается как поэтическая форма «выражения душевных

устремлений» [Киселева, 2011, с. 75]. Нельзя не согласиться с А. Н. Пашкуровым, называющим идейным стержнем философской поэзии конца XVIII века «пафос духовного освобождения, полет» [Пашкуров, 2023, с. 41], при этом стоит дополнить, что мышление о мироздании у Державина приобретает новое звучание, связанное с идеей красоты, через которую постигается основа бытия. Именно в созерцании красоты небесного светила Державина устанавливается диалог с Богом, процесс созерцания обуславливает и сложную пространственную организацию стихотворения, соотношенную и со взглядом лирического героя вверх на небо как на живописное полотно, и, наоборот, со взглядом вниз — взглядом Творца, обожревающего явленные в красоте Его творения.

Лирический герой стихотворения — Мудрец — не стремится познать физические свойства солнца, его размышления занимает солнце как божественное чудо, оттого «Утро» Державина по отношению к «Утренним размышлениям...» Ломоносова оказывается композиционно перевернутым. Державин начинает свое стихотворение с создания «портрета» солнца, данного в сугубо эстетическом ключе, а затем созерцает процесс распространения света от него по всему пространству Земли. Если Ломоносов распространение тепла и света фиксирует лишь в двух фразах («Простерло блеск свой по земли»; «От мрачной ночи свободились // Поля, бугры, моря и лес» [Ломоносов, т. 8, с. 118]), то Державин, сосредотачивая свой взгляд на пространстве Земли, акцентирует все многообразие нижнего яруса мироздания, населяя и расцветивая его («А тамь среди лѣсовъ гора переступаетъ, — // Подъемлетъ хоботь слонъ и съ дръвь плоды снимаетъ; // Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись // И на верблюдѣ поднялись» [Державин, т. 2, с. 318]). Под Божьим чудом Державин мыслит не только солнце, но и саму Землю, каждый элемент которой также есть доказательство Божьего присутствия. Космология Державина имеет временное измерение: по отношению к картинам неба и населяющим его солнцу, луне и звездам Державин использует время более архаичное, оттого небесные картины даны им в аспекте мифопоэтики, Земле же соответствует иное время и иное изображение, время от сотворения мира. Под *Вселенной* в своем поэтическом размышлении Державин понимает скорее обитаемую Землю, что согласуется с раннехристианским употреблением этого слова, небесные светила движутся именно над Землей, обеспечивая ее светом.

Изымая в качестве героя стихотворения старца Клеанта («Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ // И свѣта дождался» [Там же, с. 316]), или, точнее, греческого ученого стоика Клеанфа, Державин вступает в диалог с Ломоносовым-ученым, который в своем «Письме о пользе стекла» не раз вспоминает этого же мудреца в негативном ключе по отношению к на-

учному астрономическому знанию («Коперник что учил, сомнения в том нет, // Клеантов не боясь, мы пишем все согласно» [Ломоносов, т. 8, с. 517]; «Коль точно знали б мы небесныя страны, // Движение планет, течение луны, // Когда бы Аристарх завистливым Клеантом // Не назван был в суде неистовым Гигантом» [Там же, с. 516]). Клеанф в своем «Гимне Зевсу» обращается к той же идее, что впоследствии и Ломоносов, и Державин («Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло, // Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине» [Эллинские поэты, 1999, с. 202]), но взгляд его на Вселенную — это взгляд эмпирический («Вселенная предстает одним большим живым существом, душа которого — Бог, а сердце — Солнце» [Там же, с. 202]). Клеанф не принимает астрономических изысканий упомянутого Ломоносовым Аристарха Самосского, оставившего трактат «О величинах и расстояниях Солнца и Луны», в котором предпринята одна из первых попыток научных расчетов, описывающих солнечную систему. Плутарх сообщает: «Так Клеанф полагал, что греки должны привлечь к суду Аристарха Самосского за то, что он будто двигает с места центр мира, потому что сей муж пытался объяснять небесные явления предположением, что небо неподвижно» [Плутарх, 2000, с. 136]. В подобном соотношении находятся космогонические представления Ломоносова-ученого, отнюдь не исключавшего научного познания Вселенной, и Державина-поэта с его выраженным эмоционально-эстетическим принципом наблюдения за космическим пространством, при том что оба они ставят в центр познания именно зрительное начало.

4. Заключение = Conclusions

Принимая во внимание, что исследования в области астрономии явились в XVIII веке новым обширным научным знанием, направленным, по словам Ломоносова, на «лучшее исследование истины» [Ломоносов, т. III, с. 31], космические картины не могли не получить своего отражения в произведениях словесности. В то же время обращение к гимнографии Ломоносова и Державина, а также публицистическим сочинениям протоиерея Иоанна (Харламова) показывает, что присутствие астрономических образов в русской поэзии определилось не столько активным развитием оптической механики, сколько конкретно-чувственным наблюдением за космическими явлениями, что и сформировало особое отношение к космосу. Понимание пространства Вселенной как Божьего творения обусловило появление размышлений о сущности человеческого зрения в сопряжении с явлениями духовно-нравственного порядка и оформило образный комплекс физико-теологической словесности, понимающей небесные тела не только в буквальном значении, но и как духовный источник света, сим-

вол Божьего присутствия, источник истины и просвещения. Безусловным образцом синтеза научного и эмпирического знания стали «Утренние размышления о Божием величестве» Ломоносова, его опытные наблюдения за движением небесных тел выступили импульсом, наметившим взаимопроникновение метафизического и рационального взгляда на пространство Вселенной, поэт привносит «свой эмпирический и свой духовный опыт» [Киселева, 2024, с. 54] в созданные картины мироздания. Развивая далее астрономическую тему в русской поэзии, Державин идет по пути эстетизации космической образности, привнося в космогонию яркие цветосветовые детали. Утренние размышления обоих поэтов объединяет обращение к Богу как Зиждителю или Зодчему, подчеркивается идея Божьего устроения мироздания, богопостижение представляется ими как интеллектуальное обращение к каждому элементу галактики. Однако если Ломоносов, будучи ученым-астрономом, в своих размышлениях стремится опытным путем познать физическую сущность небесных тел, то Державин, оттачивая каждую деталь, направленную на выражение красоты Вселенной, смещает регистр с прославления солнца на воспевание пространства земного бытия, тем самым формируя новый, эстетический вектор познания галактики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические : в русском переводе с параллельными местами и приложением. — Москва : Свет на Востоке, 2010. — 294 с. — ISBN 978-3-939887-77-5.
2. Григорий Богослов. Собрание творений : в 2 т. — Москва : АСТ, 2000. — 309 с. — ISBN 978-5-00127-336-3.
3. Державин Г. Р. Сочинения : [в 9 т.] / Г. Р. Державин ; с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — Санкт-Петербург : Имп. Акад. наук, 1864—1883.
4. Леонардо да Винчи. [пер. А. А. Губера и др.]. — Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. — 23 см. — ISBN 978-5-98062-027-1.
5. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950—1983.
6. Плутарх. О лике, видимом на диске Луны / В. В. Петров // Философия природы в античности и в средние века / Общая редакция, составление, введение : П. П. Гайденок, В. В. Петров. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — С. 132—183.
7. Размышления о делах Божиих в царстве природы и провидения на каждый день года : издание периодическое. — Москва : В типографии Компании типографической, 1787—1788. — 8° (22 см).
8. Эллинические поэты, VIII—III вв. до н. э. / Подгот. М. Л. Гаспаров и др. — Москва : Ладомир, 1999. — 515 с.

Литература

1. *Богатырева Е. Д.* Оптика восприятия и топология мысли / Е. Д. Богатырева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — № 3 (10). — С. 236—244.
2. *Вавилов С. И.* Ночезрительная труба М. В. Ломоносова / С. И. Вавилов // Ломоносов : Сборник статей и материалов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. — С. 71—87.
3. *Елепова М. Ю.* К вопросу о жанровой природе духовных од М. В. Ломоносова / М. Ю. Елепова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 3. — С. 88—93.
4. *Есаулов И. А.* Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 30—66. — DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262.
5. *Западов А. В.* Отец русской поэзии: о творчестве Ломоносова / А. В. Западов. — Москва : Советский писатель, 1961. — 282 с.
6. *Казин А. Л.* Космический дар в русской литературе и философии. Опыт междисциплинарного исследования / А. Л. Казин // Новый филологический вестник. — 2019. — № 2 (49). — С. 223—234. — DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00045.
7. *Киселева И. А.* Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. — 2011. — № 4. — С. 74—78.
8. *Киселева И. А.* М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина / И. А. Киселева // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 2 (117). — С. 45—48. — DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58
9. *Коровин В. Л.* Книга Иова в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века / В. Л. Коровин. — Москва : Водолей, 2017. — 204 с. — ISBN 978-5-91763-373-2.
10. *Коровин В. Л.* «Закрой глаза — и ты увидишь» : стихотворение Г. Р. Державина «Явление» (1810) и “Die Erscheinung” Л. Козегартена / В. Л. Коровин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. — 2024. — № 2. — С. 31—46. — DOI: 10.31249/lit/2024.02.02.
11. *Крон А.-Л.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение / А.-Л. Крон // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. — 1995. — Т. IV. — С. 268—282.
12. *Лебедев Е. Н.* Ломоносов / Е. Н. Лебедев. — Москва : Молодая гвардия, 1990. — 602 с.
13. *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова : опыт определения теологического контекста / М. Левитт // XVIII век. — 2006. — Т. 24. — С. 57—70.
14. *Левицкий А.* Образ солнца в поэзии Державина / А. Ливицкий // Русская литература. — 2012. — № 1. — С. 55—65.
15. *Павляк О. Н.* Ода М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием Величестве» (опыт аксиологического прочтения) / О. Н. Павляк // Балтийский филологический курьер. — 2011. — № 8. — С. 7—24.
16. *Пашкуров А. Н.* Предромантическая танатология в русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков как мировоззрение / А. Н. Пашкуров // Philologos. — 2023. — № 2 (57). — С. 39—45. — DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45.

17. *Поташова К. А.* Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова / К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 176—195. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183.

18. *Поташова К. А.* «Стекла оптики» как средство миропознания в стихотворении Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» / К. А. Поташова // Два века русской классики. — 2024. — Т. 6. — № 2. — С. 6—19. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19.

19. *Лиманская Л. Ю.* К вопросу о взаимосвязи теории циркулярного движения, светотени и теории зрения Леонардо да Винчи / Л. Ю. Лиманская // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2021. — № 3. — С. 173—181. — DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181.

*Статья поступила в редакцию 08.12.2024,
одобрена после рецензирования 23.02.2025,
подготовлена к публикации 09.03.2025.*

Material resources

Derzhavin, G. R. (1864—1883). *Essays: [in 9 volumes]*. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences. (In Russ.).

Gaidenko, P. P. (ed.). (2000). Plutarch. About the face visible on the Moon's disk. In: *Philosophy of nature in antiquity and the Middle Ages*. Moscow: Progress-Tradition. 132—183. (In Russ.).

Gregory the Theologian. Collected works: in 2 volumes. (2000). Moscow: AST. 309 p. ISBN 978-5-00127-336-3. (In Russ.).

Hellenic poets, VIII—III centuries BC. (1999). Moscow: Lodomir Publ. 515 p. (In Russ.).

Leonardo da Vinci. (2010). Moscow: Artemy Lebedev Studio Publishing House. 23 cm. ISBN 978-5-98062-027-1. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1950—1983). *Complete works: in 11 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

Reflections on the works of God in the realm of nature and providence for every day of the year: periodical edition. (1787—1788). Moscow: In the printing house of the Printing Company. 8° (22 cm). (In Russ.).

The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical: in Russian translation with parallel passages and an appendix. (2010). Moscow: Light in the East. 294 p. ISBN 978-3-939887-77-5. (In Russ.).

References

Bogatyreva, E. D. (2012). Optics of perception and topology of thought. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 3 (10): 236—244. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2019). Paraphrase and the formation of new Russian literature (problem statement). *Problems of historical poetics*, 17 (2): 30—66. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. (In Russ.).

Kazin, A. L. (2019). The cosmic gift in Russian literature and philosophy. The experience of interdisciplinary research. *New Philological Bulletin*, 2 (49): 223—234. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00045. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2011). The ontology of the elements in the artistic world of M. Y. Lermontov. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical sciences*, 4: 74—78. (In Russ.).

- Kiseleva, I. A. (2024). M. Y. Lermontov as the spiritual successor of A. S. Pushkin. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*, 2 (117): 45—48. DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. (In Russ.).
- Korovin, V. L. (2017). *The book of Job in Russian poetry of the XVIII — first half of the XIX century*. Moscow: Aquarius. 204 p. ISBN 978-5-91763-373-2. (In Russ.).
- Korovin, V. L. (2024). “Close your eyes and you will see”: a poem by G. R. Derzhavin “Phenomenon” (1810) and “Die Erscheinung” by L. Kozegarten. *Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 7: Literary Criticism*, 2: 31—46. DOI: 10.31249/lit/2024.02.02. (In Russ.).
- Kron, A.-L. (1995). “Eugene. Zvanskaya’s Life” as a Metaphysical Poem. *The Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, IV*: 268—282. (In Russ.).
- Lebedev, E. N. (1990). *Lomonosov*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 602 p. (In Russ.).
- Levitsky, A. (2012). The image of the sun in Derzhavin’s poetry. *Russian Literature, 1*: 55—65. (In Russ.).
- Levitt, M. (2006). “Evening reflection on God’s Majesty” and “Morning reflection on God’s Majesty” by Lomonosov: the experience of defining the theological context. *XVIII century, 24*: 57—70. (In Russ.).
- Limanskaya, L. Y. (2021). On the relationship between the theory of circular motion, chiaroscuro and Leonardo da Vinci’s theory of vision. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series “Philosophy. Sociology. Art history”*, 3: 173—181. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-173-181. (In Russ.).
- Pashkurov, A. N. (2023). Pre-romantic thanatology in Russian poetry at the turn of the XVIII—XIX centuries as a worldview. *Philologos, 2 (57)*: 39—45. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-39-45. (In Russ.).
- Pavlyak, O. N. (2011). Ode by M. V. Lomonosov “Morning reflection on God’s Majesty” (experience of axiological reading). *Baltic Philological Courier, 8*: 7—24. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2023). The battle poetics of M. Y. Lermontov. *Problems of historical Poetics, 21 (2)*: 176—195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2024). “Glasses of optics” as a means of world knowledge in G. R. Derzhavin’s poem “Eugene. Zvanskaya’s Life”. *Two centuries of Russian classics, 6 (2)*: 6—19. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-2-6-19. (In Russ.).
- Vavilov, S. I. (1946). *Lomonosov’s Night vision tube*. In: *Lomonosov: Collection of articles and materials*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 71—87. (In Russ.).
- Yelepova, M. Y. (2012). On the question of the genre nature of the spiritual odes of M. V. Lomonosov. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 3*: 88—93. (In Russ.).
- Zapadov, A. V. (1961). *The Father of Russian poetry: about the work of Lomonosov*. Moscow: Soviet Writer. 282 p. (In Russ.).

*The article was submitted 08.12.2024;
approved after reviewing 23.02.2025;
accepted for publication 09.03.2025.*